

Вольфу и Джулии

ПРОЛОГ

Последствия одной катастрофы

Жители городка, где прошло мое детство, годами вспоминали события, случившиеся однажды в пятницу, под Рождество, в местном зоопарке.

И все эти годы никто не знал правды о том, что же там на самом деле произошло. Пока не появилась эта книга.

Сама я сыграла в этой истории не последнюю роль, но даже представить себе не могла, что когда-нибудь обо всем расскажу. Передумала я потому, что поняла: вырастая, мы приобретаем досадную склонность забывать, что когда-то были детьми. А ребенок живет в нас по-прежнему. Я обещала себе однажды это исправить, и книга как раз удобный случай. Вот почему я решила — раз уж приходится рассказать о том, что произошло, я расскажу это именно так, как видела все эти события, когда была еще маленькой девочкой.

Я с радостью представляю вам эту девочку — и передаю ей слово.

МНОГО-МНОГО ЛЕТ НАЗАД

ГЛАВА 1

Теория катастроф

Вечером меня оставили без сладкого. Из-за того, что случилось в зоопарке. Папа весь ужин повторял: “Это немыслимо, Джозефина! Просто немыслимо!” Мама вообще молчала, но смотрела на меня с осуждением. Потом сказала только:

— Завтра мы поедem в больницу его навестить. А теперь ешь фасоль.

Фасоль я не люблю, но чувствовала, что торговаться не время. Так что все съела без звука. Это называется “не высовываться”. Потом мама заявила, что сладкого мне не будет. Я обиделась, потому что на сладкое был морковный пирог, а он мой любимый. Чуть не заплакала, но подумала, что наверняка всех моих одноклассников тоже оставили без сладкого, и утешилась.

После того случая в зоопарке все родители стали друг другу звонить. Я слышала, как мама все время говорила по телефону и каждый раз повторяла: “Я совершенно убита, я совершенно убита! Это катастрофа, как такое могло случиться?” Я не очень поняла, почему мама убита, если говорит по телефону, но, если речь зашла о смерти, ничего хорошего ждать не приходилось.

Я доела фасоль и спросила, можно ли выйти из-за стола,

раз сладкого мне все равно не будет. Но мама ответила “нет”, потом встала, отрезала кусок морковного пирога, положила мне на тарелку и сказала:

— Можешь съесть пирог, если объяснишь, что сегодня произошло в зоопарке.

Вообще-то это называется “шантаж”, но я воздержалась от комментариев. Взяла ложку и поделила кусок на восемь маленьких долек.

Ни одна катастрофа не происходит ни с того ни с сего: она завершает собой череду мелких, почти незаметных толчков, которые мало-помалу превращаются в землетрясение. То, что сегодня стряслось в зоопарке, не стало исключением: это был финальный салют целой цепочки катастроф.

Родители хотели объяснений, но чтобы все объяснить, нужно было сперва объяснить, что катастрофический поход в зоопарк случился из-за катастрофического школьного спектакля, который случился из-за катастрофической пьесы, которая случилась из-за катастрофического похода к Деду Морозу, который случился из-за катастрофического урока по безопасности дорожного движения, который случился из-за катастрофического урока физкультуры, который случился из-за катастрофического собрания в школьном актовом зале, которое само случилось из-за начальной катастрофы.

Наверное, с этой первой катастрофы и надо начать.

ГЛАВА 2

Какой-то ненормальный понедельник

Однажды утром, в понедельник, под конец осени, за несколько недель до Рождества, произошло что-то очень важное.

Когда приближается катастрофа, обычно никто ни о чем не подозревает. Вот и тот понедельник притворялся нормальным днем: у меня зазвонил будильник, я встала, позавтракала (съела хлопья, но сначала налила молоко, а потом насыпала хлопья, иначе не видно, сколько молока налить), почистила зубы, причесалась, оделась, и мама отвезла меня на машине в школу. До сих пор все шло как обычно.

Моя школа называется “Школа Зеленых Вершин”. Это специальная школа. Специальной школой называется такая школа, куда отправляют детей, которые не ходят во все остальные школы. Я люблю свою школу. Она совсем маленькая, потому что в ней всего один класс. Она вроде большой дощатой беседки. Мама говорит, просто прелесть. Я бы скорее сказала, просто уют. Большой вестибюль, он же раздевалка. По одну сторону классная комната, по другую — игровая. Еще там есть маленькая кухня, а рядом с ней туалет. Школьный двор у нас — это сад с цветами, вокруг него деревянный забор, за который выходить нельзя, только с ро-

дителями или с нашей учительницей мисс Дженнингс. А за забором маленький парк с детской площадкой и скамейками, на которые усаживаются старые дамы, пока какают их собачки. Собачьи какашки положено убирать, но они часто притворяются, будто не заметили, что их песик справил нужду. Наш школьный сторож как такое увидит, бежит к ним как бешеный и требует сию минуту подобрать нечистоты. Тогда старые дамы делают брезгливое и брюзгливое лицо, достают из кармана пластиковый пакетик и превращаются в чистильщиц. А потом в недоумении держат пакетики двумя пальцами, словно какашки сейчас на них выпрыгнут. Выходит очень смешно.

Рядом с парком есть школа для нормальных детей. Туда ходят все дети, кроме нас. Это большое кирпичное здание, там большой бетонный двор, а по соседству — огромная спортивная площадка. Школу для нормальных детей видно из нашей специальной школы. В ней очень много детей, а нас в нашей школе всего шестеро. Я спрашивала маму, пойду ли когда-нибудь в школу для нормальных детей. Она сказала, что, наверное, нет, но она любит меня такой, какая я есть.

Самое прикольное в специальной школе — это мисс Дженнингс, наша учительница. Она самая потрясающая учительница. Терпеливая, милая, умная, ласковая. И еще очень красивая. Всегда хорошо одета, и волосы красиво причесаны. Ее все обожают.

Второе самое прикольное в специальной школе, после мисс Дженнингс, — это пятеро моих приятелей-одноклассников, они все мальчишки.

Там есть Арти, он ипохондрик, то есть все время думает, что у него всякие болезни. Для него самого это не очень удобно, но для нас весело, потому что когда он думает про какую-нибудь болезнь, то вопит от ужаса. Арти, когда вы-